

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К.С. МЕДВЕДЕВА

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ И МОНАШЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье исследуется общественное мнение о православных монастырях и монашестве в современной России. Анализ основан на результатах опросов, проведенных в 2010–2015 гг. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Также используются материалы авторского опроса И. Астэр (2009) и мультимедийного проекта-конкурса «Россия 10» (2013). Показано, что россияне считают монастыри одними из символов страны, который, тем не менее, находится в «пассивном культурном запасе». Образованные респонденты и представители старшего поколения лучше осведомлены об известных исторических фигурах монашествующих, чем менее образованные и молодые люди. Общественное мнение рисует портрет трудолюбивого «молитвенного» монаха, жизненный выбор которого можно интерпретировать в разнонаправленных парадигмах «ухода» в монастырь от мирской жизни и «прихода» в него, связывая последнее с религиозно-нравственными мотивами. Респонденты предлагают более широкий и разнообразный спектр положительных мотивов вступления в монастырь, чем отрицательных. Тем не менее отношение россиян к потенциальному желанию своего родственника стать монахом неоднозначно. Опросы показывают примерно равные доли тех, кто отнесется к такому решению «скорее положительно» и «скорее отрицательно». Делается вывод, что образ монаха как «инока», религиозного «другого» в современном социокультурном пространстве является относительно приемлемым. Монашество — краеугольный камень христианства, поэтому трансформации, происходящие с этим институтом, а также динамика

Медведева Ксения Сергеевна — аспирант, департамент социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 9/11. Телефон: 8 (495) 772-95-90*12447.
Электронная почта: ksenia-medvedeva@yandex.ru

общественного мнения о нем могут свидетельствовать об изменениях места и роли религии в обществе, что особенно актуально в условиях упадка доверия к традиционным институтам в современном социокультурном пространстве.

Ключевые слова: опросы общественного мнения, Русская православная церковь, монашество и монастыри.

В истории России монастыри известны как центры и посредники религиозной и культурной жизни, духовного просвещения, социальной работы и благотворительности, а также экономической и политической деятельности, что подтверждают результаты исследований, проведенных в рамках различных социальных наук российскими и зарубежными авторами — И. Астэр, И. Забаевым, Н. Шафажинской, Д. Миллером, С. Кенуорфи и др. [2; 8; 28; 33; 34; 37; 39]. В советское время почти все монастыри в России были закрыты, однако некоторые монашеские общины сохранили часть своих функций благодаря реорганизации в трудовые артели [11; 42]. Современные монастыри постсоветского периода стремятся восстановить прежнюю роль в различных сферах жизни. И. Астэр выделяет несколько функций, которые институт монашества реализовывал на протяжении столетий [2; 4]. Из них сегодня актуализируются такие, как художественно-эстетическая, информационно-просветительская, психотерапевтическая, экономическая (монастыри как экономические акторы рассмотрены также в работах Н. Митрохина, см.: [14]) и др. Так, при монастырях действуют реабилитационные центры, детские дома, культурно-просветительские центры, православные издательства, мастерские и другие виды производства, проходят музыкальные фестивали и научные конференции. Получает распространение благотворительная и педагогическая деятельность современных монастырей. Как отмечает Ю. Пашедко на основе своего исследования в детских учреждениях при монастырях, «монашеские обители возродили не только традиционные формы благотворительно-просветительной деятельности, но и сформировали новые, которые отвечают социально-экономическим, социально-культурным и политическим реалиям современной России» [20, с. 118]. Н. Митрохин обращает внимание на роль монастырских «старцев» и «духовников» в формировании социальных сетей и появлении экстерриториальных сообществ верующих [38].

Кроме того, монастыри приобрели новую, доселе несвойственную им социальную роль, — они стали символом «возрождения» Русской православной церкви (РПЦ). В академических и публицистических статьях термин «возрождение» часто соседствует с такими синонимами, как «ренессанс» и «подъем». Монастыри возрождают традиционные для них направления и формы деятельности [20; 29], играют ведущую роль в осуществлении социальной миссии церкви

[31; 32]. Это происходит на фоне общего триумфализма последних 20 лет, когда отмечается рост количества монастырей и расширение сферы их влияния [35; 41]. Вероятно, новая роль является следствием резкого увеличения количества монастырей в России, главным образом за счет реконструкции прежде функционировавших и частично за счет строительства новых монастырей. Так, если в 1988 году насчитывалось 22 монастыря, принадлежащих к Русской православной церкви, то в 2009 году их было 804 (из них 478 находятся в России, 234 мужских и 244 женских) [5]. Впрочем, стоит отметить, что в применении к постсоветской религиозной жизни России термин «возрождение» является дискуссионным (см., например: [12, с. 203; 13; 19]). Природу «возрождения», отмечает Э. Паин, можно объяснить с помощью концепции С. Хантингтона об «обратной волне». По мнению Э. Паина, в различных сферах общественной жизни, в т.ч. религиозной, происходит не возврат к традициям, а изобретение традиций, когда явления, которые «кажутся традиционными», «на самом деле представляют собой типичный “новодел” — это новации, переодетые в традицию» [19, с. 42].

В течение 20 лет были открыты более 700 монастырей. Безусловно, не стоит связывать институциональный подъем с «духовным возрождением» общества в целом [13, с. 29], однако своевременно было бы задать вопросы о месте монастырей в современном российском обществе. Какой образ монастыря складывается у «массового россиянина»? Каково его представление о современном монашестве? Эти темы для наших современников малознакомы, однако интересны. Так, например, в 2011 г. вышла книга архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые», тираж которой менее чем за год с момента публикации составил 1 100 000 экземпляров [17]. Социолог Д. Рогозин, пытаясь найти объяснение популярности книги о монашестве среди весьма широкого круга читателей, отмечает:

Жизнь церковных людей необычна и непонятна для внешнего человека. Его представления о ней заполнены скорее мифами и анекдотами, нежели описаниями реальных событий. Вместе с тем монастырь — это сообщество обычных людей, выбравших для себя иной путь, иную судьбу. Аллюзии на знакомое — в незнакомом, рациональное — в иррациональном, светское — в священном, вызываемые в читателе, — возможно, этим и обязана книга своему успеху [26, с. 171].

В продолжение фразы о том, что жизнь церковных людей необычна и непонятна, приведем высказывание социолога религии И. Забаева, который в одном из своих интервью отметил, что «священник сегодня — он, конечно, немного отличается от инопланетянина в глазах людей, но, в общем, не сильно» [7, с. 2]. Тем более это касается монастырской жизни. Развивая свою мысль, Рогозин указывает, что в книге предпринята попытка найти общий язык, согласовать

представления, оставаясь в рамках принятых убеждений и норм, что составляет базовую идею публичной социологии [26, с. 173].

В статье анализируется образ монастыря и монашества в современном социокультурном пространстве России и представление о них в сознании россиян. Для анализа используются результаты опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2010–2015 гг. (n=1600, всероссийские репрезентативные обследования) [21–25]. Также к анализу привлекаются результаты авторского опроса Ирины Астэр, опубликованные в 2009 году (n=500)¹ [1; 3]. Кроме того, используются материалы всероссийского мультимедийного проекта-конкурса «Россия 10», проведенного в 2013 г. [18], о котором речь пойдет ниже.

Место монастырей среди символов России

Православный монастырь, согласно российским опросам, является одним из символов страны. В октябре 2013 года завершился проект «Россия 10». Его задачей было выбрать десять «новых визуальных символов России посредством общенародного голосования» [18]. Организаторами конкурса были телеканал «Россия 1», Русское географическое общество, а также другие телеканалы, радиостанции, газеты и интернет-порталы. На конкурс поступило более 220 000 000 голосов [18] (в то время как население России на 2013 г. составило чуть более 143 000 000 человек [27]; согласно правилам конкурса, один участник мог проголосовать любое количество раз). В результате голосования 30 объектов вышли в финал, среди них два древних монастыря: Свято-Троицкая Сергиева лавра (Сергиев Посад, Московская область) и Далматов Успенский монастырь (Далматово, Курганская область). На заключительном этапе конкурса Троице-Сергиева лавра вошла в десятку победителей.

Пока конкурс еще не был завершен и продолжал принимать номинантов, в сентябре 2013 ВЦИОМ провел эксперимент и задал россиянам два вопроса [22]². Первый вопрос звучал следующим образом:

¹ Опрос посвящен отношению респондентов к современным монастырям и монашеству. В нем приняли участие жители Санкт-Петербурга (92% опрошенных) и Ленинградской области (8%), всего 500 респондентов, среди них 55% женщин и 45% мужчин. Участники опроса в возрасте до 28 лет составили 42% от общего числа, 29–39 лет — 23%, 40–49 лет — 18%, старше 49 лет — 17% [3, с. 113]. Результаты опроса в основном отражают мнение молодых жителей северной столицы и скорее представляют интерес благодаря ответам на открытые вопросы, нежели статистическим данным.

² Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ на тему «Символы России: народный рейтинг» проведен 21–22 сентября 2013 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

«Какие природные объекты и памятники архитектуры Вы могли бы назвать символами России?». Респонденты отвечали по памяти, это был открытый вопрос, на который можно было дать до пяти ответов. Интересно, что только 68% опрошенных смогли назвать какие-либо символы. Те респонденты, которые дали содержательные ответы, наиболее часто упоминали следующие объекты: озеро Байкал (20%), Кремль (17%, без указания, какой именно), Мамаев Курган (12%), Петергоф (11%), Московский Кремль (10%), в то время как Свято-Троицкую Сергиеву лавру упомянули лишь 3% опрошенных.

При ответе на второй вопрос респондентам снова предлагалось назвать природные и архитектурные символы России³, однако на этот раз они выбирали ответы из предложенного списка, включавшего 30 объектов из числа финалистов конкурса «Россия 10». Участники опроса должны были выбрать пять объектов, которые, по их мнению, символизируют Россию. В пятерку самых популярных ответов вошли Байкал (58%), Петергоф (48%), Мамаев Курган (46%), а также Троице-Сергиева лавра (28%) и Кижы (25%).

Интересно, что «без подсказок» только 3% участников опроса вспомнили Лавру, один из крупнейших и наиболее влиятельных православных монастырей, в то время как с «подсказкой» 28% респондентов назвали этот объект. Троице-Сергиева лавра является одним из символов страны, однако можно предположить, что она находится в «пассивном культурном запасе». Мы предлагаем этот термин по аналогии с метафорой «пассивного словарного запаса» [30], остановимся на нем подробнее.

Как состав пассивного словарного запаса ориентирован на человека слушающего и (или) читающего, а не говорящего, так и явления, объекты культуры попадают в пассивный запас, если становятся менее употребительными, их востребованность населением уменьшается, они вытесняются из повседневных практик. Монастырь — это название такой реалии, которая понятна россиянам, но слабо актуализирована в современной культуре общества в его широком смысле. Ряд культурных практик, относящихся к монастырю, в советское и постсоветское время сократился. Так, сегодня фактически забыто паломничество «по обету» [12, с. 204], «хождения на богомолья»⁴.

³ Вопрос формулировался следующим образом: «Сейчас в нашей стране идет финал конкурса “Россия 10”, в рамках которого общенародным голосованием выбирают 10 памятников природы и архитектуры, символизирующих нашу страну. А за кого из участников конкурса проголосовали бы лично Вы? Назовите, пожалуйста, ПЯТЬ объектов».

⁴ «Хождения на богомолья» представляют собой специально организованные и подготовленные паломничества, которые обычно совершались пешком и носили покаянный характер. Богомолья иногда осуществлялись «по обету». Согласно этому обычаю, паломник совершает свое

Монастыри в России имели историческую значимость при построении государственности и национальной идентичности [36], переоценке дореволюционного прошлого [41, р. 4]. Им более активно приписывается функция сохранения исторической памяти, нежели создания современной культуры или практики религиозной жизни. Даже на сайте крупнейшего в России богословского сайта Богослов.ru вкладка «Монастыри и монашество» находится не в разделе «Богословие» или «Религия и мир», а в разделе «История». Акцент на истории конструирует образ легитимного традиционного института.

Помимо исторических причин отнесения монастырей как культурного явления к пассивному культурному запасу, обозначим дискурсивную причину. В советское и постсоветское время монастыри оказались вытеснены на периферию культуры, и сегодня они находятся в сфере исключительного или чуждого, а не повседневного. Их посещение сезонно и обычно приходится на летнее время отпусков, это редкое и долгожданное событие. Количество посетителей увеличивается во время больших церковных праздников и постов, то есть особых событий в религиозной жизни.

Монах как историческая фигура

Монашество — это особая форма религиозной жизни, которую также важно рассмотреть в нашем контексте. Жители монастырей оказали значительное влияние на русскую культуру. Что известно россиянам о монахах как исторических деятелях и каково их мнение о современных монашествующих?

Согласно результатам опроса ВЦИОМ по теме «Сергию Радонежскому — 700 лет» [23]⁵, имя преподобного, основателя упомянутой Свято-Троицкой Сергиевой лавры, знакомо большинству россиян (72% опрошенных) (см. рис.). На закрытый вопрос о том, знают ли они лично, слышали или впервые слышат о Сергии Радонежском, четверть респондентов (24%) сказали, что они хорошо осведомлены о том, кем был Сергей Радонежский, и половина опрошенных (48%) слышали о нем, но не знают подробностей его биографии. Каждый четвертый респондент (27%) впервые услышал имя Радонежского в ходе опроса, то есть ответил, что не слышал о нем прежде. Молодые россияне чаще слышали о Сергии Радонежском впервые, в то время как с возрастом число тех, кто хорошо осведомлен о нем, растет. Наиболее информированными об основателе Лавры являются люди

путешествие к святыне в благодарность за какое-либо событие или с просьбой о вмешательстве в трудной ситуации [12, с. 204].

⁵ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ на тему «Сергию Радонежскому — 700 лет» проведен 10–11 мая 2014 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

старше 60 лет (32%) и респонденты с высшим образованием (32%), в отличие от менее образованных и молодых людей.

Рис. Уровни осведомленности россиян разных возрастных групп о Сергии Радонежском, % числу опрошенных

Источник: расчеты автора на основе данных опроса ВЦИОМ «Сергию Радонежскому — 700 лет», 2014 г. [23].

Чем известен россиянам Сергий Радонежский? Из ответов на этот открытый вопрос выяснилось, что он известен в первую очередь как святой (38%). Кроме того, 18% респондентов ответили, что он был монахом. Преподобный Сергий Радонежский был также назван основателем церквей и монастырей (6%), церковным и религиозным деятелем (5%), православным (3%), священником (2%). Иными словами, его знают за личные заслуги, в то время как культурное и духовное наследие Сергия отмечено немногими респондентами. На данном примере видно, что исторический образ монаха имеет слабый отпечаток в общественном мнении. Возвращаясь к метафоре пассивного культурного запаса, мы можем заключить, что имя преподобного знакомо, узнаваемо, однако он остается малоизвестной фигурой для большинства россиян.

Общественное мнение о современных монастырях

Несмотря на известную закрытость, монастырь — довольно пронцаемый, негерметичный институт. Множество людей посещают монастыри во время экскурсий и паломнических поездок. Так, по

данным ВЦИОМ на 2014 г. [25]⁶, около 41% жителей России хотя бы раз в жизни посещали святые места, где во многих случаях располагаются монастыри⁷. Причем среди посетителей святых мест 19% причисляют себя к неверующим. Что касается более длительного пребывания в монастыре, то некоторые приезжают поработать в качестве волонтеров, так называемых «трудников», особенно на время сезонных сельскохозяйственных работ. Спектр ролей для посетителей монастыря достаточно широк: туда можно приехать на экскурсию, в качестве паломника, в роли «трудника» или потенциального члена общины. Монастыри принимают наемных работников, содержат реабилитационные центры и детские дома. Они привлекают людей на свои религиозные и культурные мероприятия (праздники, конференции, ярмарки и фестивали). Что импонирует людям в современной монашеской жизни и что, напротив, отталкивает? По данным опроса И.В. Астэр, с одной стороны, монастырь для респондентов является местом, где они находят «покой, тишину, уединение», получают «эстетическое удовольствие», «благодать». С другой стороны, это «мрачное место, в котором возникает ощущение одиночества», «скуки, тоски смертной», чувство «незваного гостя» [3, с. 116].

Опрос жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области выявил наиболее популярные для них православные монастыри. При ответе на этот открытый вопрос респонденты чаще всего называли Валаам и Псково-Печерский монастырь, Александро-Невскую и Свято-Троицкую Сергиеву лавры, Свято-Иоанновский и Воскресенский Новодевичий монастыри [3, с. 118]. Из шести указанных монастырей четыре являются мужскими и два женскими. Автор опроса высказывает догадку о том, что это связано с более высоким статусом первых в иерархии РПЦ во времена дореволюционной России [3, с. 118]. Можно также предположить, что мужские монастыри могут быть лучше известны, так как они выполняют функцию так называемого «духовного руководства»⁸.

⁶ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ по теме «В путь — по святым местам» проведён 8–9 марта 2014 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

⁷ По данным опроса И.В. Астэр [1, с. 328], 37% жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области когда-либо посещали монастыри.

⁸ Количество людей, обращающихся к священникам (как белым, так и монашествующим) по духовным и житейским вопросам можно оценить очень приблизительно. Так, 30% петербургских респондентов обращаются к «духовникам» за советами в разных жизненных ситуациях [3, с. 116]. А по данным всероссийского репрезентативного опроса ВЦИОМ 2010 года, 11% россиян (13% среди православных) общаются «со священником-духовником, духовным наставником» (см.: «Верующих в России много, воцерковленных — значительно меньше» [21]).

По мнению петербургских участников опроса, монашеский образ жизни могут избрать почти все группы общества. Включенное наблюдение, проведенное И.В. Астэр, подтверждает, что обитатели монастырей сегодня представляют почти все слои общества и профессии. Тем не менее респонденты считают, что «в первую очередь это будут священнослужители, затем — крестьяне, рабочие и, как ни странно, воры», — отмечает Астэр [3, с. 117]. Кроме того, кто бы это ни был, скорее всего, он «неудачник, или просто устал от социально-экономических проблем, а возможно, не решил внутриличностные конфликты» [3, с. 117].

Такой социальный портрет монаха поднимает вопрос о причинах, которые приводят человека в монастырь. Согласно популярному стереотипу, который часто упоминается самими монахами, люди уходят в монастырь из-за несчастной любви. Однако результаты опроса ВЦИОМ 2014 года показывают, что большинство россиян так вовсе не считают (далее приводятся результаты этого же опроса, см.: [24]⁹).

В целом, ответить на вопрос «Как Вы думаете, почему люди становятся монахами и уходят в монастыри?» (открытый вопрос, любое число ответов) россиянам оказалось довольно сложно: 31% респондентов затруднились ответить. Среди тех, кто выразил свое мнение по этому вопросу, самым частым был ответ «уход от проблем, суеты» — почти каждый пятый россиянин (19%) считает это причиной ухода в монастырь. Среди других причин были названы: вера и убеждения (8%), желание «быть ближе к Богу» (6%) и т. д.

Для того чтобы интерпретировать эти данные, необходимо принять во внимание сложность кодирования и анализа открытых вопросов. На первый взгляд, по мнению опрошенных, отрицательный эскапистский мотив ухода в монастырь «от проблем, суеты» оказался самым популярным. В то же время в ходе опроса было получено несколько позитивных мнений о мотивах «прихода» в монастырь. Акцент на разнице между «уходом» в монастырь и «приходом» в него важен как для самих монашествующих¹⁰, так и для целей нашего

⁹ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ по теме «Уход в монастырь — призвание или бегство от проблем?» проведен 10–11 мая 2014 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

¹⁰ Так, например, интервью с настоятельницей одного из монастырей началось с уточнения понятий:

«— Матушка, почему люди уходят в монастырь?

— Правильней говорить, что в монастырь приходят, а не уходят. Самый простой ответ на этот вопрос: приходят из любви к Богу. Это всегда было и остается непостижимой тайной» [15].

исследования. Если «уход» означает «уход от чего-либо», то «приход» — это «приход к чему-то»¹¹. Принимая во внимание разнонаправленность мотивов обращения к монашеской жизни, мы предлагаем разделить полученные ответы на две условные группы: «отрицательные» и «положительные» мотивы. К отрицательным мотивам «ухода» в монастырь можно причислить такие мнения: «уход от проблем, суеты» (19%), «безысходность, горе, обида» (2%), «слабые, одинокие, проблемы с психикой» (2%), «разочарование в жизни» (2%). К положительным мотивам «прихода» в монастырь можно отнести следующие ответы респондентов: «вера, убеждение» (8%), «быть ближе к Богу» (6%), «замаливать грехи, становиться лучше, спасение души» (6%), «призвание, стремление души, мировоззрение» (5%), «служение Богу» (4%), «ищут себя, смысл жизни» (4%), «уединение, спокойствие» (3%), «свой путь, их выбор» (3%), «желание помогать людям духовно, молиться за них» (2%), «Божья воля» (1%). Еще 2% респондентов дали другие позитивные ответы и 31% не смогли высказать какое-либо предположение. Итак, мы видим, что, во-первых, набор положительных мотивов прихода в монастырь, предложенный самими респондентами, более разнообразен, чем отрицательных. Во-вторых, в целом, респонденты склонны чаще в обращении к монашеской жизни усматривать положительные мотивы, чем отрицательные (в совокупности ответов они составляют 25% и 42% соответственно).

Россияне о смысле монашества

Респонденты из Санкт-Петербурга и Ленинградской области ответили, чем, по их мнению, должны заниматься монахи. Участникам исследования был предложен закрытый вопрос. В качестве приоритетных видов монашеской деятельности они выбрали работу и молитву. И.В. Астэр отмечает, что если в советское время монахи карикатурно изображались тунеядцами и ворами, то сегодня в общественном мнении они не считаются бездельниками, а, напротив, отмечается их склонность к работе [3, с. 116].

По данным ВЦИОМ, более половины россиян считают, что монахи «спасают себя, и тем самым помогают другим людям» (63% против 27%, которые выбрали вариант ответа «монахи замыкаются в себе, и не способны помочь другим людям») [24]. Ответы верующих и неверующих в этом вопросе различаются. Первое утверждение

¹¹ Здесь можно провести параллель между «приходом» / «уходом» и идеей «свободы от» / «свободы для», предложенной И. Кантом и разработанной И. Берлиным [40]. Если позитивная свобода представляется как средство для достижения цели, то негативная свобода предполагает отсутствие препятствий и ограничений.

чаще поддерживают верующие (православные и представители других религий), а со вторым чаще согласны неверующие.

Отношение россиян к Русской православной церкви неоднозначно. С одной стороны, они демонстрируют неизменно высокий уровень доверия к институту церкви и отмечают, что последняя положительно влияет на жизнь страны [6; 9, с. 191, 197; 10; 16]. При этом внешняя лояльность к церкви сочетается с низким уровнем личного участия в церковной жизни. Как это связано с отношением россиян к монашеству? В качестве синонима слову «монах» иногда используется слово «инок», означающее «иной, другой». В какой степени россияне готовы лично встретиться с «другим» в непосредственной близости? «Представьте, что Ваш близкий родственник — брат, сестра, племянник — хочет стать монахом. Как бы Вы к этому отнеслись? (закрытый вопрос, один ответ)». Этот вопрос, заданный в исследовании ВЦИОМ [24], вызвал раскол в общественном мнении: 43% предположили, что отреагируют «скорее положительно», в то время как 40% — «скорее отрицательно». Люди старше 35 лет и приверженцы православия отреагируют на предложенную ситуацию благоприятно, в то время как более отрицательное отношение выскажет молодежь до 34 лет, жители Москвы и Санкт-Петербурга, последователи других религий и неверующие. Каждый пятый участник опроса затруднился даже вообразить подобную ситуацию, в частности, 17% не смогли дать ответ. Респонденты предлагают довольно разнообразные варианты положительных мотивов вступления в монастырь и сравнительно скудный спектр отрицательных. Потенциальная реакция респондентов на желание своего родственника стать монахом неоднозначна. Опросы показывают примерно равные пропорции тех, кто отнесется к такому решению благосклонно или критически.

Выводы

В статье на основе данных опросов общественного мнения ВЦИОМ и других исследований проанализированы представления россиян о православных монастырях и монашестве. По мнению опрошенных, православный монастырь является одним из символов страны, хотя, вероятно, находится в пассивном «культурном запасе» и представляет сферу исключительного, а не повседневного. На примере ответов респондентов о Сергии Радонежском показано, что знаниями о монахах как исторических деятелях чаще располагают более образованные и пожилые респонденты по сравнению с менее образованными и молодыми. Можно заключить, что тема монашества для современного россиянина малознакома, однако интересна.

В статье отмечен интерес верующих и неверующих россиян к посещению монастырей. Несмотря на кажущуюся закрытость, монастырь — довольно негерметичный институт. Спектр ролей для

посетителей монастыря достаточно широк, его функции [2] и состав проживающих разнообразны. Общественное мнение рисует портрет монаха, чей выбор можно объяснить двояко: как «уход» в монастырь от мирской жизни и — в позитивном смысле — как «приход» в него (то есть приход к вере, к Богу). Учитывая разнонаправленность причин обращения к монашеской жизни, мы выделили «отрицательные» и «положительные» мотивы. Несмотря на то, что чаще всего россияне отмечают эскапистскую причину ухода в монастырь («от проблем, суеты»), в целом, список перечисляемых ими положительных мотивов этого решения (вера, стремление быть лучше, спасение души, призвание, поиск смысла жизни, желание помогать людям и др.) более разнообразен, чем отрицательных (безысходность, горе, одиночество, проблемы с психикой, разочарование в жизни и др.). Следовательно, можно предположить, что в общественном мнении россиян уход в монастырь имеет образ скорее позитивного, нравственного события, нежели события, обусловленного несостоятельностью человека в мирской жизни.

Социальный образ монаха изменился: это более не тунеядец и вор, как его рисовали советские карикатуры; напротив, респонденты отмечают склонность монашествующих к работе и молитве. Деятельность монахов считается полезной; более половины россиян (главным образом, из числа верующих) считают, что монахи «спасают себя, и тем самым помогают другим людям». Однако к желанию члена их семьи стать монахом благосклонно или негативно отнесутся примерно равные доли опрошенных россиян (43 и 40% соответственно). Наряду с мнением по другим вопросам, этот факт свидетельствует о двух моментах. Во-первых, образ монаха как «инока», религиозного «другого» в современном социокультурном пространстве является приемлемым, особенно среди пожилых и православных респондентов; для молодых и неверующих этот образ хотя и позитивен, но скорее довольно абстрактен и чужд. Отсюда, во-вторых, следует, что образ института церкви представляется части граждан авторитетным (в экономическом, политическом, нравственном и собственно религиозном смыслах), а потому они готовы доверить ей своего родственника; представители другой части опрошенных либо слабо осведомлены о жизни церкви, либо она для них не авторитетна, либо вообще чужда.

Стоит отметить, что вопросы о монашестве вызвали сложности у респондентов, число затруднившихся с ответами довольно велико. Это скорее всего связано с тем, что повседневная жизнь монастыря является для нерелигиозных и полувоцерковленных россиян малоизвестной сферой. Однако в современной России, где заметно повысился интерес населения к православной вере, представляется естественным и наличие интереса к этой стороне церковной жизни — монашеству. Знакомство с ней, впрочем, предполагает определенные

усилия по освоению очередного рубежа религиозной социализации и посещения монастырей, что осуществляют немногие.

Данные опросов не свидетельствуют о высокой осведомленности россиян в исследуемой сфере. Отсюда можно предположить, что социокультурное влияние монастырей и монашества на представления и повседневную жизнь россиян, особенно неверующих, невелико. Впрочем, эти явления религиозной жизни по преимуществу связываются россиянами с позитивным, нравственным началом.

Будучи весьма консервативным институтом, монашество, тем не менее, претерпело ряд трансформаций в советское и постсоветское время: изменились направления социальной деятельности монастыря, ряд связанных с ним культурно-религиозных практик и т. д. Социальный образ монаха и монашества также не остаются неизменными. Произойдет ли ресемантизация монастырских смыслов и активизация культурного запаса? Любые преобразования одновременно и отражают, и формируют общественное мнение о монастырях. Последнее в свою очередь свидетельствует об изменениях места и роли религии и монашества в обществе, их значения в современном социокультурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астэр И.В.* Современный православный монашествующий: мотивация ухода от «мира» // Вестник Тамбовского университета. 2009. № 6 (74). С. 327–333.
2. *Астэр И.В.* Монашество как социо-религиозный феномен // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2012. № 1. С. 50–60.
3. *Астэр И.В.* Современное русское православное монашество: социально-философский анализ. СПб.: ООО «Архей», 2010. — 199 с.
4. *Астэр И.В.* Юридический статус и экономическая деятельность современных православных монастырей в России // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 3. С. 96–101.
5. Доклад Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на Поместном соборе Русской православной церкви. Москва, 27–29 января 2009 г. // Официальный сайт Московского Патриархата [электронный ресурс]. Дата обращения 22.04.2014. URL: <<http://www.patriarchia.ru/db/text/541724.html>>.
6. *Дубин Б.В.* Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3. С. 35–44.
7. *Забаяев И.В.* На грани между религией и социологией // Бюллетень «ЭСФорум». 2014. № 4 (40). С. 2–5.
8. *Забаяев И.В.* Православие и хозяйство. Обзор русскоязычных исследований, диссертационных работ, конференций, полемики по основным социально-экономическим доктринам РПЦ за период XIX – начало XXI вв. // Экономическая социология. 2005. № 6 (5). С. 108–144.

9. *Задорин И., Бурова Ю., Сюткина А.* СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость [электронный ресурс]. Дата обращения 01.02.2015. URL: <<http://www.zircon.ru/upload/iblock/b9c/9909ar-05.pdf>>.
10. *Зоркая Н.А.* Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2. С. 65–84.
11. *Кириченко О.В.* Православное женское монашество в советское время // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 101–114.
12. *Кормина Ж.В.* Номадическое православие: о новых формах религиозной жизни в современной России // Ab Imperio. 2012. № 2. С. 195–227.
13. *Лебедев С.* Религиозный ренессанс как социальная реальность: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24–36.
14. *Митрохин Н.А.* Русская православная церковь как субъект экономической деятельности // Вопросы экономики. 2000. № 8. С. 54–70.
15. Монастырь — это большая прекрасная семья // Монастырский вестник [электронный ресурс]. 2012. Дата обращения 05.02.2015. URL: <<http://monasterium.ru/monashestvo/2013-06-03-11-13-12/950-monastyr-eto-bolshaya-prekrasnaya-semya>>.
16. *Мчедлова М.М.* Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 77–84.
17. Официальный сайт книги архимандрита Тихона «“Несвятые святые” и другие рассказы» [электронный ресурс]. Дата обращения 01.04.2015. URL: <<http://www.ot-stories.ru/kniga2012.htm>>.
18. Официальный сайт проекта «Россия 10». [электронный ресурс]. Дата обращения 11.07.2014. URL: <<http://10russia.ru/>>.
19. *Паин Э.А.* О природе процесса этнического и религиозного возрождения // Ценности и смыслы. 2010. № 5. С. 33–49.
20. *Пашедко Ю.М.* Особенности социально-педагогической деятельности православных монастырей // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1. С. 115–118.
21. Пресс-выпуск № 1465, результаты опроса ВЦИОМ, 2010 г. Верующих в России много, воцерковленных — значительно меньше [электронный ресурс]. Дата обращения 01.02.2015. URL: <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13385>>.
22. Пресс-выпуск № 2419, результаты опроса ВЦИОМ, 2013 г. Символы России: народный рейтинг [электронный ресурс]. Дата обращения 22.06.2014. URL: <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114529>>.
23. Пресс-выпуск № 2592, результаты опроса ВЦИОМ, 2014 г. Сергию Радонежскому — 700 лет [электронный ресурс]. Дата обращения: 22.06.2014. URL: <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114838>>.
24. Пресс-выпуск № 2616, результаты опроса ВЦИОМ, 2014 г. Уход в монастырь — призвание или бегство от проблем? [электронный ресурс]. Дата обращения 01.02.2015. URL: <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114881>>.
25. Пресс-выпуск № 2754, результаты опроса ВЦИОМ, 2015 г. В путь — по святым местам [электронный ресурс]. Дата обращения 07.03.2015. URL: <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115122>>.

26. *Рогозин Д.М.* Книга о монашестве как светский феномен. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря; ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2011 // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 170–174.
27. Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс]. Дата обращения 11.07.2014. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#>.
28. *Шафажинская Н.Е.* Монастыри и монашество в России XIX века: социокультурный аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 4. С. 36–39.
29. *Шафажинская Н.Е.* Русское монашество как историко-культурное явление. Дисс. на соискание ученой степени доктора культурологии. М., 2010. — 407 с.
30. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии. // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
31. *Burgess J.P.* Monasticism as a force for religious and cultural renewal in post-communist Russia // Journal of Religion in Europe. 2011. Vol. 4. No. 2. P. 225–244.
32. *Burgess J.P.* Orthodox resurgence: Civil religion in Russia // Religion in Eastern Europe. 2009. Vol. 29. No. 2. P. 1–14.
33. *Kenworthy S.M.* Monasticism in Russian history // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2009. Vol. 10. No. 2. P. 307–331.
34. *Kloss B.M.* Monasticism during the formation of a centralized state // Russian Studies in History. 2013. Vol. 52. No. 1. P. 5–37. Doi: 10.2753/RSH1061-1983520101.
35. *Michel A.* What role can the Orthodox monasteries play in the revival of spirituality of the contemporary Russian society. PhD Theses. International Baptist Theological Seminary of the European Baptist Federation (Czech Republic), 2013. — 44 p.
36. *Miller D.B.* Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010. — 374 p.
37. *Miller D.B.* The cult of Saint Sergius of Radonezh and its political uses // Slavic Review. 1993. Vol. 52. Issue 4. P. 680–699.
38. *Mitrokhin N., Nuritova A.* The Russian Orthodox church in contemporary Russia: Structural problems and contradictory relations with the Government, 2000–2008 // Social Research. 2009. Vol. 76. Issue 1. P. 289–320.
39. *Naidenova L.P.* Monasteries and monasticism in Russia // Russian Studies in History. 2013. Vol. 52. Issue 1. P. 3–4.
40. *Putterman T.L.* Berlin's two concepts of liberty: A reassessment and revision // Polity. 2006. Vol. 38. Issue 3. P. 416–446.
41. *Rock S.* A monastic revival // History Today. 2009. Vol. 59. No. 2. P. 4–5.
42. *Wynot J.J.* Keeping the Faith: Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917–1939. PhD diss., Emory University (USA), 2000. — 296 p.

Дата поступления: 28.06.2015.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL (= SOCIOLOGICAL JOURNAL)
2015. VOL. 21. NO. 3. P. 45–62

K.S. MEDVEDEVA

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

Ksenia Sergeevna Medvedeva — postgraduate at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics.

Address: 9/11 Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Phone: 8 (495) 772-95-90*12447. **Email:** ksenia-medvedeva@yandex.ru

**THE SOCIAL REPRESENTATION OF CHRISTIAN ORTHODOX
 MONASTICISM IN CONTEMPORARY RUSSIA**

Abstract. The article discusses the public opinion about Christian Orthodox monasteries and monasticism in contemporary Russia. The analysis is based on the results of the public opinion polls conducted in 2010–2015 by the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Materials of the poll by Irina Aster (2009) and multimedia contest “Russia 10” (2013) were also used for the analysis. The analysis shows that monasteries are considered by Russians to be one of the symbols of the country although kept in a “passive cultural stock.” Educated and older respondents seem to be more familiar with famous historical monastics rather than less educated and young people. Public opinion paints the portrait of a hard-working “prayful” monk, whose life choice can be explained using divergent paradigms of “moving away” from the world and “coming to” a monastery, the latter connected with religious and moral issues. Respondents give a wide and varied range of positive motives in joining a monastery than negative ones. However, the attitude of Russians to the potential intention of their relative to become a monk is ambiguous. Polls show a roughly equal share of those whose reaction to such a decision would be “rather positive” or “rather negative.” It is concluded that the image of the monk as the “inok,” the religious “other” is quite acceptable in the modern social and cultural sphere. Monasticism is the cornerstone of Christianity, so the transformation of this institution, as well as the dynamics of public opinion about it can demonstrate the changes in the place and role of religion in society, which is especially relevant given the decline of trust in traditional institutions in contemporary social-cultural space.

Keywords: Opinion polls, Russian Orthodox Church, monasticism and monasteries.

REFERENCES

1. Aster I.V. Sovremenniy pravoslavnyi monashestvuyushchii: motivatsiya ukhoda ot «mira». [A modern orthodox monk: The motivation of taking the monastic vows.] *Tambov University Reports*. 2009. No. 6 (74). P. 327–333.
2. Aster I.V. Monasticism as a social and religious phenomenon. *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii*. [Religion. Church. Society. Research and publications on theology and religion.] 2012. No. 1. P. 50–60. (In Russ.)
3. Aster I.V. *Sovremennoe russkoe pravoslavnoe monashestvo: sotsial'no-filosofskii analiz*. [Contemporary Russian Orthodox monasticism: Social and philosophical analysis.] St-Petersburg: OOO “Arkhei” Publ., 2010. 199 p.
4. Aster I.V. Yuridicheskii status i ekonomicheskaya deyatelnost' sovremennykh pravoslavnykh monastey v Rossii. [Legal status and economic activity of modern Orthodox monasteries in Russia.]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2009. No. 3. P. 96–101.

5. *The report of the Locum of the Patriarchal See Metropolitan of Smolensk and Kaliningrad Kirill on the Local council of Russian Orthodox Church. Moscow, January 27–29, 2009.* [online]. Accessed 22.04.2014. URL: <<http://www.patriarchia.ru/db/text/541724.html>>. (In Russ.)
6. Dubin B.V. Mass Religious Culture in Russia (Tendencies and results of the 1990s). *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii.* 2004. No. 3. P. 35–44. (In Russ.)
7. Zabaev I.V. Na grani mezhdu religiei i sotsiologiei. [On the verge between religion and sociology.] *Byulleten' "ESForum"*. 2014. No. 4 (40). P. 2–5.
8. Zabaev I.V. Pravoslavie i khozyaistvo. Obzor russkoyazychnykh issledovaniy, dissertatsionnykh rabot, konferentsii, polemiki po osnovnym sotsial'no-ekonomicheskim doktrinom RPTs za period XIX – nachalo XXI vv. [Orthodox Christianity and economy. The review of Russian research, dissertations, conferences, and disputes on social-economic approaches of the Russian Orthodox church in XIX–XXI centuries.] *Economic Sociology.* 2005. No. 6 (5). P. 108–144. (In Russ.)
9. Zadorin I., Burova Yu., Syutkina A. *Mass Media and Mass Political Cognition: Mutual Influence and Mutual Dependence* [online]. Accessed 01.02.2015. URL: <<http://www.zircon.ru/upload/iblock/b9c/9909ar-05.pdf>>. (In Russ.)
10. Zorkaya N.A. Pravoslavie v bezreligioznom obshchestve. [The Orthodoxy of the Society without Religion.] *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii.* 2009. No. 2. P. 65–84.
11. Kirichenko O.V. Pravoslavnoe zhenskoe monashestvo v sovetskoe vremya. [Orthodox female monasticism in the Soviet period.] *Voprosy istorii.* 2001. No. 1. P. 101–114.
12. Kormina Zh.V. Nomadicheskoe pravoslavie: o novykh formakh religioznoi zhizni v sovremennoi Rossii. [Nomadic Orthodoxy: On new forms of religious life in contemporary Russia.] *Ab Imperio.* 2012. No. 2. P. 195–227. (In Russ.)
13. Lebedev S. Religiozniy renessans kak sotsial'naya real'nost': K demifologizatsii ponyatiya. [Religious Renaissance as a social reality: Towards demythologisation of the concept.] *Sotsiologicheskii zhurnal.* [Sociological Journal.] 2007. No. 2. P. 24–36.
14. Mitrokhin N.A. Russkaya pravoslavnyaya tserkov' kak sub'ekt ekonomicheskoi deyatel'nosti. [The Russian Orthodox Church as subject of economic activity.] *Voprosy ekonomiki.* 2000. No. 8. P. 54–70.
15. Monastery is a large wonderful family. *Monastyrskii vestnik* [online]. 2012. Accessed 05.02.2015. URL: <<http://monasterium.ru/monashestvo/2013-06-03-11-13-12/950-monastyr-eto-bolshaya-prekrasnaya-semya>>. (In Russ.)
16. Mchedlova M.M. Rol' religii v sovremennom obshchestve. [Religions' role in contemporary Russian society.] *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2009. No. 12. P. 77–84.
17. *Official website of Archimandrite Tikhon's book " 'Everyday Saints' and Other Stories "* [online]. Accessed 01.04.2015. URL: <<http://www.ot-stories.ru/kniga2012.htm>>. (In Russ.)
18. *Official website of the "Russia 10" project* [online]. Accessed 11.07.2014. URL: <<http://10russia.ru/>>. (In Russ.)
19. Pain E.A. O prirode protsessa etnicheskogo i religioznogo vrozozhdeniya. [About the nature of ethnic and religious revival.] *Tsenosti i smysly.* 2010. No. 5. C. 33–49.
20. Pashedko Yu.M. Osobennosti sotsial'no-pedagogicheskoi deyatel'nosti pravoslavnykh monastyrei. [Peculiarities of socio-pedagogical activity of Russian orthodox monasteries.] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* 2012. No. 1. P. 115–118.
21. *Press release No. 1465, the VCIOM opinion poll, 2010. Many faithful, fewer in-churched believers in Russia* [online]. Accessed 01.02.2015. URL: <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13385>>. (In Russ.)
22. *Press release No. 2419, the VCIOM opinion poll, 2013. Symbols of Russia: national rating* [online]. Accessed 22.06.2014. URL: <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114529>>. (In Russ.)

23. Press release No. 2592, the VCIOM opinion poll, 2014. 700th anniversary of St. Sergius of Radonezh [online]. Date of access: 22.06.2014. URL: <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114838>>. (In Russ.)
24. Press release No. 2616, the VCIOM opinion poll, 2014. Leaving for a monastery — a vocation or an escape from the problems? [online]. Accessed 01.02.2015. URL: <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114881>>. (In Russ.)
25. Press release No. 2754, the VCIOM opinion poll, 2015. Hit the road — through holy sites [online]. Accessed 07.03.2015. URL: <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115122>>. (In Russ.)
26. Rogozin D.M. Book about monasticism as a secular phenomenon. A review on the book: Archimandrite Tikhon (Shevkunov). “ ‘With unholy saints’ and other stories”. Moscow: Publishing house of the Sretensky monastery; OLMA MEDIA GROUP, 2011. No. 2. P. 170–174.
27. Federal State Statistics Service [online]. Accessed 11.07.2014. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#>. (In Russ.)
28. Shafazhinskaya N.E. Monasteries and monasticism in the XIX century in Russia: a sociocultural aspect. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. [Bulletin of the Moscow State University of culture and arts.] 2008. No. 4. P. 36–39. (In Russ.)
29. Shafazhinskaya N.E. *Russkoe monashestvo kak istoriko-kul'turnoe yavlenie*. [Russian monasticism as a historical and cultural phenomenon.]. *Diss. for the degree of Doctor of Cultural Studies*. Moscow, 2010. 407 p.
30. Shcherba L.V. Opyt obshchei teorii leksikografii. [Towards a general theory of lexicography.]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost'*. [Language system and speech activity.]. Leningrad: Nauka Publ., 1974.
31. Burgess J.P. Monasticism as a force for religious and cultural renewal in post-communist Russia. *Journal of Religion in Europe*. 2011. Vol. 4. No. 2. R. 225–244.
32. Burgess J.P. Orthodox resurgence: Civil religion in Russia. *Religion in Eastern Europe*. 2009. Vol. 29. No. 2. P. 1–14.
33. Kenworthy S.M. Monasticism in Russian history. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2009. Vol. 10. No. 2. P. 307–331.
34. Kloss B.M. Monasticism during the formation of a centralized state. *Russian Studies in History*. 2013. Vol. 52. No. 1. R. 5–37. Doi: 10.2753/RSH1061-1983520101.
35. Michel A. What role can the Orthodox monasteries play in the revival of spirituality of the contemporary Russian society. PhD Theses. *International Baptist Theological Seminary of the European Baptist Federation (Czech Republic)*, 2013. 44 p.
36. Miller D.B. *Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010. 374 p.
37. Miller D.B. The cult of Saint Sergius of Radonezh and its political uses. *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. Issue 4. R. 680–699.
38. Mitrokhin N., Nuritova A. The Russian Orthodox church in contemporary Russia: Structural problems and contradictory relations with the Government, 2000–2008. *Social Research*. 2009. Vol. 76. Issue 1. P. 289–320.
39. Naidenova L.P. Monasteries and monasticism in Russia. *Russian Studies in History*. 2013. Vol. 52. Issue 1. P. 3–4.
40. Putterman T.L. Berlin's two concepts of liberty: A reassessment and revision. *Polity*. 2006. Vol. 38. Issue 3. P. 416–446.
41. Rock S. A monastic revival. *History Today*. 2009. Vol. 59. No. 2. P. 4–5.
42. Wynot J.J. *Keeping the Faith: Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917–1939*. PhD diss., Emory University (USA), 2000. 296 p.